

Истоки художественной концепции романа Е.Замятина “Мы”. Замятин и Достоевский

О.С. Сухих

В сб.: Грехнёвские чтения. Сб. научных трудов. Вып. 3. – Нижний Новгород, 2006. С. 213-219.

Роман Е.Замятина “Мы”, написанный в 1920 г., признанный классикой и даже в определенной степени каноном жанра антиутопии, был опубликован в России во второй половине 80-х гг. XX в., когда в общественном сознании происходила переоценка нашей истории, и прежде всего революции 1917 г. Этим объясняется восприятие замятинского произведения исключительно как антикоммунистического памфлета. Действительно, в романе нетрудно увидеть черты послевоенной российской действительности эпохи так называемого “военного коммунизма”. Это и идеи “милитаризации труда” Л.Троцкого, лозунги футуристов (“Приказы по армии искусств” В. Маяковского), теоретические установки пролеткультовцев. Алексей Гастев, видный деятель Пролеткульта, писал в 1919 г: “Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденно-бытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата. Вот эта-то черта сообщает пролетарской психологии поразительную анонимность, позволяющую квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, В, С или как 325, 075 и 0... В дальнейшем эта тенденция создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системой психологических включений, выключений, замыканий” [Гастев, 45].

Однако сводить источники художественной концепции Замятина только к реалиям России 1917 – 1920 гг. неправомерно. Об этом говорил еще в 1922 г. А.К.Воронский в своей статье “Евгений Замятин”, которая потом не раз перепечатывалась еще до того, как с романом Е.Замятина смог ознакомиться отечественный читатель. Так что еще в 20-е гг. он мог по ней составить достаточно полное представление о содержании и художественной структуре не опубликованного в СССР романа. Вот что писал в этой статье А.Воронский: “Замятин написал памфлет, относящийся не к коммунизму, а к государственному, бисмарковскому, рихтеровскому социализму. Недаром он перелицевал своих “Островитян” и перенес оттуда в роман главные черты Лондона и Джесмонда” [Воронский, 120].

В “Островитянах” же, написанных под впечатлением жизни в Англии, Замятин не без оснований показал практически то же, что и в романе “Мы”: “Чопорная английская жизнь, расписанная заранее в мелочах... Жизнь-машина, механизм, всё проинтегрировано, все одинаковые, с одинаковыми цилиндрами, тросточками и вставными зубами” [Воронский, 109].

В любой отдельной антиутопии можно увидеть проекцию конкретной утопической идеи, которая подвергается отрицанию. Иногда можно даже определить конкретную литературную утопию, реакцией на которую данная антиутопия является (например, в “Покушении на миражи” В.Тендрякова это “Город Солнца” Т.Кампанеллы). Но ни то, ни другое вовсе не обязательно, поэтому в подлинно художественной антиутопии предмет изображения может не быть строго конкретным, т.е. сведенным к одной определенной идее, к определенному социальному проекту. Известно, например, что есть много общего в художественных концепциях Е.Замятина (“Мы”) и Дж. Оруэлла (“1984”), хотя последний имел совсем другие источники материала – это вовсе не советская действительность, а те тенденции, которые писатель увидел в деятельности английских профсоюзов.

Сам Замятин в 1932 г. в интервью критику французского журнала “Ле ну-велль литтерер” комментировал свой роман так: “Близорукие рецензенты увидели в этой вещи не более чем политический памфлет. Это, конечно, неверно: этот роман – сигнал об опасности, угрожающей человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – всё равно какого. Американцы не без основания увидели в этом зеркале и свой фордизм. Очень любопытно, что в своем последнем романе известный английский беллетрист Хаксли развивает почти те же самые идеи и сюжетные положения, которые даны в “Мы”. Совпадение, конечно, оказалось случайным. Но такое совпадение свидетельствует, что идеи – кругом нас, в том предгрозовом воздухе, которым мы дышим” [Замятин, 540].

Да и Дж. Оруэлл писал о романе “Мы”: “Цель Замятина – показать, что нам грозит машинная цивилизация”¹.

Критики находят в романе “Мы” довольно много объектов отрицания:

“Это сатирический гротеск на рационализацию нашего социалистического строительства” [Зозуля, 3].

“... роман не против “советского государства и общества”, а произведение, цель которого – показать результаты воздействия массового общества на индивида” [Lopez-Morillas, 60].

Машинизация, рационализация общества, превращение личности в функцию – все эти черты развития жизни на планете стали источниками концепции Замятина, которые имеют отношение не к конкретному социальному устройству, а вообще к тенденциям так называемой “технической цивилизации”, в разных политических формах воцарившейся на Земле по крайней мере с эпохи Просвещения.

Существуют у замятинского романа и источники литературные. В.Недзвецкий, например, называет Вл. Соловьева; Б.Ланин и М. Боришанская добавляют к этому имена В.Одоевского, Н.Костомарова, Н.Федорова (Ланин Б, Боришанская М., 9). Практически все исследователи упоминают в этой связи и Достоевского, его “Легенду о великом инквизиторе”.

Взаимосвязь творчества Замятина и Достоевского имеет генетический характер: Замятин утверждал, что его роман содержит в себе переосмысление Достоевского, развитие концепции “Легенды о великом инквизиторе”ⁱⁱ.

Основной мотив, объединяющий “Мы” и “Легенду о великом инквизиторе”, – это мысль о несовместимости счастья и свободы. Свобода – слишком тяжелая ноша для обычного, слабого человека: она связана с выбором и ответственностью. Эта идея ясно выражена в обоих произведениях. Кроме того, у Достоевского развивается и мысль о том, что свобода порождает хаос: он не избирательна, она касается не только созидательных, но и разрушительных стремлений человека, причем не знает пределов. Поэтому “в свободе своей” люди доходят даже до того, что истребляют друг друга. В конечном итоге в “Легенде” люди, устав от этого хаоса, “приносят свободу к ногам” властителей с просьбой поработить их, но устроить их жизнь. В романе “Мы” перед нами жизнь Единого Государства, где люди уже поработаны, а как это произошло и по каким причинам, читатель не знает, хотя герой Д-503 упоминает о том, что этому предшествовала Двухсотлетняя Войнаⁱⁱⁱ.

Поэма о рае, написанная Государственным Поэтом R-13, посвящена тому, что люди утратили райское блаженство, когда стали стремиться к свободе.

Великий инквизитор и Благодетель восстанавливают “рай” на земле. Для этого им нужно взять у людей их свободу, а взамен дать тем хлеб, зрелища, а еще (у Замятина) “розовый талон” на любовь или (у Достоевского) разрешение на грех. Ради защиты этого “рая” оба героя готовы использовать любые средства, включая насилие и манипуляцию сознанием, обман.

Между “Легендой” и романом “Мы” много общего в решении самых фундаментальных проблем, но существуют и концептуальные различия.

1. Мотив действий великого инквизитора – сострадание к людям, которые слишком слабы, чтобы выдержать бремя свободы и следовать путем Христа, сделав свободный выбор. Иван Карамазов говорит о герое своей “поэмы”, что он готовился “восполнить число” последователей Христа, но увидел, что невелико блаженство достигнуть нравственной высоты и в то же время увидеть, что остальные люди, “многочисленные, как песок морской”, остались “устроенными лишь в насмешку”. Великий инквизитор говорит Христу, что, разочаровавшись в этом пути, он “возвратился к слабым” ради их счастья. Таковы прямые объяснения героем своей позиции, подкрепленные еще и комментарием автора “поэмы” – Ивана Карамазова.

В романе “Мы” мотивы действий Благодетеля менее ясны. Правда, есть его монолог, обращенный к Д-503: “Я спрашиваю: о чем люди – с самых пеленок – молились, мечтали, мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье – и потом приковал их к этому счастью на цепь. Что же другое мы теперь делаем, как не это?” Трудно сказать, чего здесь больше: заботы о людях или властолюбия. Прямого ответа в романе нет, в отличие от произведения Достоевского. Это различие между двумя произведениями можно связать отчасти с особенностями их художественной формы.

У Достоевского “Легенда” построена как монолог великого инквизитора, причем не простой монолог, обращенный к какому-либо конкретному собеседнику. Великий инквизитор говорит с Христом, но в то же время не хочет видеть в нем Христа, считает его своим видением, т.е. в итоге получается, что он говорит с самим собой. Как отмечает Иван Карамазов, ему просто нужно высказаться, еще раз для самого себя нравственно обосновать свою позицию. Этим определяются предельная откровенность, искренность его речи. У Замятина же Благодетель говорит с Д-503, простым человеком, который для него “песчинка”, но которого нужно использовать как источник информации о заговоре, поэтому Благодетель применяет разные средства “убеждения”: и грозный тон, и слова о счастье, и компрометацию I-330. Здесь трудно отличить искреннее от неискреннего. Для Д-503 настоящие переживания Благодетеля и его подлинные мысли не открыты.

У Достоевского сознание великого инквизитора дано как бы изнутри – у Замятина всё, в том числе и Благодетель, показано через призму восприятия Д-503. Однако и при таком принципе организации перспективной структуры произ-

ведения существовала возможность прояснить мотивы действий героя. Можно предположить, что Замятин просто не рассматривает Благодетеля как человека, как личность: для него это лишь персонификация бездушной, машинизированной системы. У Достоевского же великий инквизитор – трагический герой, в душе которого борются жестокая твердость воли и гуманные побуждения. Не случайно ему так важно обосновать собственные действия, не случайно он отпускает своего Пленника, несмотря на то что раньше грозился сжечь его.

2. В произведениях Замятина и Достоевского концептуально разные взгляды на христианство. Замятинский Благодетель считает христиан своими прямыми предшественниками, а у Достоевского великий инквизитор воспринимает Христа как идейного противника. Это связано с тем, что Благодетель (а автор ничем его не опровергает) видит в христианстве прежде всего смирение, смирение же он понимает как отказ от собственной личности и полное психологическое подчинение кому-то высшему. Великий инквизитор, как и Достоевский, наоборот, выражает мысль о том, что суть христианства – в свободе выбора, в свободе духовного самоопределения личности, только великий инквизитор относится к этому дару христианства негативно, а писатель – позитивно. Великий инквизитор осуждает своего Пленника именно за то, что Он, отвергнув второе искушение “страшного и умного духа”, дал людям возможность самим, свободно поверить в него и определить свой путь. Достоевский же устами Алеши говорит, что это “не хула, а хвала Иисусу”.

3. Есть существенное различие и в жанровых формах “Мы” и “Легенды”. То, что роман Замятина является антиутопией, очевидно – с “Легендой” же дело обстоит не так просто и однозначно. Это связано с тем, что у неё два автора: Иван Карамазов, которому принадлежит “поэма” о великом инквизиторе, и Достоевский, создавший образ самого Ивана Карамазова и текст его “поэмы”. У двух этих авторов разное восприятие социальной системы, созданной великим инквизитором, а ведь именно восприятием, оценкой и различаются в жанровом отношении утопия и антиутопия, которые изображают, по сути, один и тот же социальный “проект”, но утопия – как идеал, а антиутопия – как антиидеал. Для Ивана Карамазова социальная система великого инквизитора – единственный возможный способ устроить судьбы человечества, осчастливить его хотя бы на время, т.е., с точки зрения Ивана Карамазова, это утопия. Для Достоевского этот социальный режим и весь его философский фундамент не только ошибочны, но и нравственно преступны, и, стало быть, с его точки зрения, “Легенда” – антиуто-

пия. А реально она совмещает в себе черты обоих жанров, потому что у них общая структурная основа. Произведение Замятина тоже принадлежит двум авторам, по-разному оценивающим Единое Государство: это тоже “поэма”, написанная героем Д-503, который, в отличие от Замятина, видит в изображаемом мире идеал (лишь на какой-то момент это восприятие оказалось поколебленным). Однако структура повествования у Замятина и Достоевского всё же разная. У Достоевского существует повествователь – Иван Карамазов, который смотрит на государство великого инквизитора извне и дает ему свою оценку, независимую от оценки великого инквизитора. А у Замятина единственным повествователем является герой Д-503 и никакого авторского “обрамления” или речи другого повествователя не существует. Герой Д-503, в отличие от Ивана Карамазова, живет в том мире, который он описывает, следовательно, для него это не утопия, как для Ивана Карамазова мир “Легенды”, а вполне реальный мир. По характеру же авторской позиции “Мы”, безусловно, антиутопия.

Роман “Мы” – это своеобразный литературный диалог с Достоевским. В нем, как и практически во всех антиутопиях XX века, неизбежно возникают черты “Легенды о великом инквизиторе”, т.к. это произведение стало своеобразным литературным “архетипом” антиутопии как жанра вообще.

Литература и примечания

Воронский А. Искусство видеть мир. Портреты. Статьи. – М., 1987.

Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9-10.

Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. Т. 14, 15. – М. 1976. Произведения Достоевского далее цитируются по этому изданию.

Замятин Е. Сочинения. – М., 1988. Произведения Е.Замятина далее цитируются по этому изданию.

Зозуля Е. О романе Замятина “Мы” // Литературная газета. 1929. 9 сентября.

Ланин Б., Боришанская М. Русская антиутопия XX века: Учебное пособие для учителей старших классов гуманитарных гимназий. – М., 1994.

Lopez-Morillas. From “Dreams of Reason” to “Dreams of Unreason” // Survey. 1972. № 1. P. 60.

Недзвецкий В. Благо и Благодетель // Литература (приложение к газете “Первое сентября”). 1994. № 34.

---

¹ Цит. по: Недзвецкий В. Благо и Благодетель // Литература. – М., 1995. № 34.

² См. об этом: Недзвецкий В. Благо и Благодетель // Литература. – М., 1995. № 34.

³ Замятин в статье “Завтра” в 1919 г. писал: “Война империалистическая и война гражданская обрала человека в материал для войны, в номер, в цифру. Человек забыт ради субботы” [Замятин Е., 407-408].